
ВЫСТУПЛЕНИЯ НА ЭКСТРЕННОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ПЕТРОГРАДСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ РСДРП (БОЛЬШЕВИКОВ)

16—20 июля 1917 г. ³⁹

1. ОТЧЁТНЫЙ ДОКЛАД ЦК ОБ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЯХ

16 июля

Товарищи!

Нашу партию, в особенности Центральный Комитет нашей партии, обвиняют в том, что она вызвала и организовала выступление 3—4 июля с целью вынудить Центральный исполнительный комитет Советов взять власть в свои руки, а если не хотят взять власть — захватить её самим.

Прежде всего я должен опровергнуть эти обвинения. 3 июля два представителя пулемётного полка ворвались на заседание конференции большевиков и заявили о выступлении 1 пулемётного полка. Вы помните, как мы заявили делегатам, что члены партии не могут идти против постановления своей партии, и как протестовали представители полка, заявив, что они лучше выйдут из партии, но не пойдут против постановления полка.

Центральный Комитет нашей партии считал выступление рабочих и солдат в Петрограде при настоящем положении нецелесообразным. ЦК считал его нецелесообразным, так как было ясно, что затеянное правительством наступление на фронте есть авантюра, что солдаты, не зная, за какие цели их ведут, в наступление

не пойдут, что в случае нашего выступления в Петрограде враги революции могут взвалить на нас ответственность за провал наступления на фронте. Мы хотели, чтобы ответственность за срыв наступления на фронте пала на истинных виновников этой авантюры.

Но выступление началось. Пулемётчики разослали по заводам делегатов. Часам к шести мы стояли перед фактом выступления огромных масс рабочих и солдат. Часов в пять на заседании Центрального исполнительного комитета Советов я официально, от имени Центрального Комитета партии и конференции, заявил, что мы решили не выступать. Обвинять нас после этого в организации выступления, значит говорить ложь, достойную наглых клеветников.

Выступление разыгралось. Имела ли партия право умыть руки и уйти в сторону? Учитывая возможность ещё более серьёзных осложнений, мы не имели права умыть руки, — как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооружённого захвата власти.

Напомню вам аналогичные случаи из истории нашего рабочего движения. 9 января 1905 г., когда Гапон вёл массы к царю, партия не отказалась идти с массой, хотя знала, что идут чорт знает куда. Теперь, когда движение шло не под лозунгами Гапона, а под нашими лозунгами, мы тем более не могли уйти от движения. Мы должны были вмешаться, как регулятор, как партия сдерживающая, чтобы охранить движение от возможных осложнений.

Меньшевики и эсеры претендуют на руководство рабочим движением, но они не похожи на людей, способных

руководить рабочим классом. Их нападки на большевиков избобличают в них полное непонимание обязанностей партии рабочего класса. По отношению к последнему выступлению рабочих они рассуждают, как люди, порвавшие с рабочим классом.

Ночью Центральный Комитет нашей партии, Петербургский комитет, Военная организация решили вмешаться в это стихийное движение солдат и рабочих. Большевики и эсеры, видя, что за нами идут более 400 000 солдат и рабочих, что почва у них изпод ног ускользает, объявили выступление рабочих и солдат выступлением против Советов. Я утверждаю, что 4 июля вечером, когда большевиков объявили предателями революции, меньшевики и эсеры предали революцию, взорвали единый революционный фронт и заключили союз с контрреволюцией. Нанося удары большевикам, они наносили удары революции.

5 июля меньшевики и эсеры объявили военное положение, организовали штаб и передали все дела военной клике. Мы, борясь за полновластие Советов, попали, таким образом, в положение вооружённого противника Советов. Создалась картина, при которой войска большевиков могли оказаться против войск Советов. Нам принимать бой при таком положении было бы безумием. Мы говорили руководителям Советов: кадеты ушли, блокируйтесь с рабочими, пусть власть будет ответственна перед Советами. Но они сделали вероломный шаг, они выставили против нас казаков, юнкеров, громил, некоторые полки с фронта, обманув их, что большевики идут якобы против Советов. Само собой разумеется, мы не могли принять при таких условиях

боя, на который толкали нас меньшевики и эсеры. Мы решили отступить.

5 июля состоялись переговоры с Центральным исполнительным комитетом Советов в лице Либера. Либер поставил условие: мы, т. е. большевики, снимаем броневые автомобили от дворца Кшесинской, матросы уезжают из Петропавловской крепости в Крошштадт. Мы согласились, при условии, что ЦИК Советов охраняет наши партийные организации от возможного разгрома. Либер, от имени Центрального исполнительного комитета, уверил, что наши условия будут исполнены, что дворец Кшесинской будет в нашем распоряжении до тех пор, пока нам не будет предоставлено постоянное помещение. Мы выполнили свои обещания. Броневые автомобили были сняты, крошштадтцы согласились уехать обратно, но только с оружием в руках. Центральный же исполнительный комитет Советов ни одного своего обязательства не выполнил. 6 июля военный представитель эсеров Кузьмин по телефону передал требование, чтобы через $\frac{3}{4}$ часа дворец Кшесинской и Петропавловская крепость были очищены, в противном случае Кузьмин грозил двинуть вооружённые силы. Центральный Комитет нашей партии решил всеми силами избегать кровопролития. Центральный Комитет делегировал меня в Петропавловскую крепость, где удалось уговорить гарнизон из матросов не принимать боя, так как положение повернулось таким образом, что мы можем оказаться против Советов. В качестве представителя Центрального исполнительного комитета Советов я еду с меньшевиком Богдановым к Кузьмину. У Кузьмина всё готово к бою: артиллерия, кавалерия, пехота. Мы уговариваем его не применять

вооружённой силы. Кузьмин недоволен, что «штатские своим вмешательством всегда ему мешают», и неохотно соглашается подчиниться настоянию Центрального исполнительного комитета Советов. Для меня очевидно, что военные эсеры хотели крови, чтобы дать «уроки» рабочим, солдатам и матросам. Мы помешали им исполнить их вероломный план.

Тем временем контрреволюция пошла в наступление: разгром «Правды» и «Труда», избиения и убийства наших товарищей, закрытие наших газет и т. п. Во главе контрреволюции стоит Центральный комитет кадетской партии, за ним штаб и лица командного состава армии, — представители той самой буржуазии, которая хочет вести войну, наживаясь на ней.

День за днём контрреволюция укреплялась. Каждый раз после нашего обращения в Центральный исполнительный комитет Советов за разъяснениями мы убеждались, что он не в силах предотвратить эксцессы, что власть не в руках ЦИК, а в руках кадетско-военной клики, задающей тон контрреволюции.

Министры летят, как куклы. Центральный исполнительный комитет Советов хотят подменить чрезвычайным совещанием в Москве³⁷, на котором 280 членов Центрального исполнительного комитета среди сотен открытых представителей буржуазии потонут, как мухи в молоке.

Центральный исполнительный комитет, напуганный ростом большевизма, заключает постыдный союз с контрреволюцией, удовлетворяя её требования: выдача большевиков, арест балтийской делегации³⁸, разоружение революционных солдат и рабочих. Устраивается всё это очень просто: посредством провокационных

выстрелов оборонческая клика создаёт повод для разоружения и приступает к разоружению. Так было, например, с сестрорецкими рабочими³⁹, не принимавшими участия в выступлении.

Первый признак всякой контрреволюции — разоружение рабочих и революционных солдат. У нас эту чёрную контрреволюционную работу проделали руками Церетели и др. «миштров-социалистов» из Центрального исполнительного комитета Советов. В этом вся опасность. «Правительство спасения революции» «укрепляет» революцию посредством удушения революции.

Наша задача — собрать силы, укрепить существующие организации и удерживать массу от преждевременных выступлений. Контрреволюции выгодно вызвать нас сейчас на бой, но мы не должны поддаваться на провокацию, мы должны проявить максимум революционной выдержки. Это общая тактическая линия Центрального Комитета нашей партии.

По вопросу о гнусной клевете на наших вождей, будто бы они работают на немские деньги, Центральный Комитет партии держится следующей позиции. Во всех буржуазных странах против революционных вождей пролетариата выдвигались клеветнические обвинения в измене. В Германии — Либкнехт, в России — Ленин. Центральный Комитет партии не удивляется тому, что русские буржуа прибегают к испытанному способу борьбы с «неугодными элементами». Необходимо, чтобы рабочие сказали открыто, что считают своих вождей безупречными, солидаризируются с ними и считают себя участниками их дела. Сами рабочие обращались к Петербургскому комитету за проектом протеста против травли наших вождей. Петербургский комитет

выработал такой проект, который будет покрыт подписями рабочих.

Наши противники, меньшевики и эсеры, забыли, что события вызываются не отдельными лицами, а подземными силами революции, и тем самым стали на точку зрения охранки.

Вы знаете, что «Правда» закрыта с 6 июля, типография «Труд» опечатана, причём контрразведка отвечает, что, по всей вероятности, она будет открыта, когда закончится следствие. За время бездействия придётся выдать около 30 000 руб. наборщикам и служащим «Правды» и типографии.

После июльских событий, после того, что произошло за это время, мы не можем больше считать эсеров и меньшевиков социалистами. Рабочие именуют их теперь социал-тюремщиками.

Говорить после этого об единстве с социал-тюремщиками преступно. Надо выставить другой лозунг: единство с левым их крылом — с интернационалистами, которые сохранили ещё дозу революционной чести и готовы бороться с контрреволюцией.

Такова линия ЦК партии.

2. ДОБЛАД О ТЕКУЩЕМ МОМЕНТЕ

16 июля

Товарищи!

Характерной чертой текущего момента является кризис власти. Вокруг этого вопроса группируются другие второстепенные вопросы. Кризис власти определяется её неустойчивостью: наступил момент, когда приказы власти вызывают либо смех, либо равнодушные, и никто не хочет их исполнять. Недоверие к

власти проникает в глубь населения. Власть колеблется. В этом основа кризиса власти.

Мы переживаем третий кризис власти. Первый кризис — кризис царской власти, которой не стало. Второй кризис — кризис первого Временного правительства, результатом которого был уход Милюкова и Гучкова из правительства. Третий кризис — кризис коалиционного правительства, когда неустойчивость власти достигла своей наивысшей степени. Министры-социалисты вручают портфели Керенскому, а буржуазия выражает Керенскому недоверие. Составился кабинет, который на другой же день оказался в том же неустойчивом положении.

Как марксисты, мы должны подойти к кризису власти не только с формальной точки зрения, но, прежде всего, с точки зрения классовой. Кризис власти — это напряжённая, открытая борьба классов за власть. В результате первого кризиса власть помещичья уступила место власти буржуазии, поддерживаемой Советами, «представляющими» интересы пролетариата и мелкой буржуазии. В результате второго кризиса произошло соглашение между крупной и мелкой буржуазией в лице коалиционного правительства. Как во время первого, так и во время второго кризиса, власти боролись с революционными выступлениями рабочих (27 февраля и 20—21 апреля). Второй кризис разрешился в «пользу» Советов, путём вступления в буржуазное правительство «социалистов» от Советов. При третьем кризисе солдаты и рабочие открыто поставили вопрос о взятии власти трудящимися — мелкобуржуазной и пролетарской демократией, с устранением из правительства всех капиталистических элементов.

Чем вызван третий кризис?

Сейчас всю «вину» сваливают на большевиков. Выступление 3 и 4 июля послужило якобы моментом обострения кризиса. Ещё К. Марке говорил, что каждый шаг революции вперёд вызывает ответный шаг контрреволюции назад. Считая выступление 3 и 4 июля революционным шагом, большевики принимают на себя честь пионеров движения вперёд, приписываемую им ренегатами-социалистами. Но этот кризис власти разрешился не в пользу рабочих. Кто в этом виноват? Если бы меньшевики и эсеры поддержали рабочих и большевиков, контрреволюция была бы побеждена, но они стали бить большевиков, разбили единый фронт революции, и кризис стал протекать в условиях, неблагоприятных не только для большевиков, но и для них, для эсеров и меньшевиков.

Это был первый фактор обострения кризиса.

Вторым фактором явился уход кадетов из правительства. Кадеты учуяли, что дело клонится к ухудшению положения, что экономический кризис разрастается, денег мало, и решили улизнуть. Их уход был продолжением бойкота Коновалова. Вскрыв неустойчивость правительства, кадеты первые ушли из правительства.

Третий фактор, вскрывший и обостривший кризис власти,— это поражение наших войск на фронте. Вопрос войны является сейчас основным вопросом, вокруг которого вращаются все другие вопросы внутренней и внешней жизни страны. И по этому основному вопросу правительство провалилось. С самого начала было ясно, что наступление на фронте является авантюрой. Ходят слухи, что мы сдали сотни тысяч в плен, что солдаты беспорядочно бегут. Приписывать «разруху»

на фронте исключительно агитации большевиков, — значит преувеличивать влияние большевиков. Ни одна партия не в силах поднять такую тяжесть. Чем объяснить, что наша партия, насчитывающая до 200 тысяч членов, могла «разложить» армию, а Центральный исполнительный комитет Советов, объединяющий 20 миллионов граждан, не мог удержать армию под своим влиянием. Дело в том, что солдаты не хотят воевать, не зная, за что они воюют, они устали, они обеспокоены вопросом о распределении земли и т. п. Рассчитывать, что при таких условиях можно вести солдат на войну, значит рассчитывать на чудо. Центральный исполнительный комитет Советов имел возможность вести среди армии гораздо более сильную агитацию, чем мы, и вёл её, и тем не менее великая стихия борьбы против войны взяла своё. В этом виноваты не мы, «виновата» революция, давшая право каждому гражданину добиться ответа на вопрос: из-за чего идёт война?

Таким образом, три фактора вызвали кризис власти:

1) недовольство рабочих и солдат правительством, для которых политика правительства была слишком правой;

2) недовольство буржуазии правительством, считающей политику правительства слишком левой, и

3) псевдачи на фронте.

Это наружные силы, вызвавшие кризис власти.

А основой всему, подземной силой кризиса явилась экономическая разруха страны, вызванная войной. Только на этой почве выросли эти три фактора, поколебавшие власть коалиционного правительства.

Если кризис есть борьба классов за власть, то мы, как марксисты, должны поставить вопрос: какой же

класс поднимается сейчас к власти? Факты говорят о том, что к власти поднимается рабочий класс. Ясно, что класс буржуазии не допустит его к власти без боя. Мелкая буржуазия, составляющая большинство населения в России, колеблется, объединяясь то с нами, то с кадетами, и этим бросает на чашку весов последнюю гирию. В этом классовое содержание переживаемого нами кризиса власти.

Кто же оказывается побеждённым и кто побеждает в данном кризисе? Очевидно, что в данном случае власть берёт буржуазия в лице кадетов. На одну мгновение, когда кадеты ушли из правительства, власть оказалась в руках Центрального исполнительного комитета Советов, но он от власти отказался, поручив членам правительства составить кабинет. Сейчас Центральный исполнительный комитет оказался привеском к власти, в кабинете министров идёт чехарда, остался один Керенский. Кто-то диктует свою волю, которую должны исполнять и министры и Центральный исполнительный комитет Советов. Очевидно, это воли организованной буржуазии, кадетов прежде всего. Она диктует свои условия: она требует, чтобы у власти были «деловые люди», а не партийные представители, чтобы аграрная программа Чернова была снята, чтобы декларация правительства 8 июля⁴⁰ была изменена, чтобы из всех органов власти были изъяты большевики. Центральный исполнительный комитет отступает перед буржуазией и соглашается на её условия.

Как могло случиться, что вчера ещё отступавшая буржуазия отдаёт сегодня приказы Центральному исполнительному комитету Советов? Дело в том, что после поражения на фронте кредит власти пал в глазах

заграничных бабкиров. По некоторым данным, заслуживающим серьёзного внимания, тут видна рука английского посла Блюкенена и башкиров, которые отказывают правительству в кредите, если оно не откажется от своих «социалистических» поползновений.

Это первая причина.

Вторая причина заключается в том, что фронт буржуазии организован лучше, чем фронт революции. Когда меньшевики и эсеры объединились с буржуазией и стали бить большевиков, контрреволюция поняла, что единый фронт революции взорван. Организованная в военные и финансово-империалистические клики, во главе с Центральным комитетом кадетской партии, контрреволюция предъявила оборонцам целый ряд требований. Меньшевики и эсеры, дрожавшие за свою власть, поспешно исполняли требования контрреволюции.

Вот тот фон, на котором разыгралась победа контрреволюции.

Ясно, что в данный момент контрреволюция победила большевиков потому, что большевики изолированы, преданы меньшевиками и эсерами. Ясно также и то, что настанет момент, благоприятный для нас, когда мы сможем дать буржуазии решительный бой.

Существуют два центра контрреволюции. Один центр — партия организованной буржуазии — кадеты, прикрывающиеся оборонческими Совстами. Его исполнительный орган — штаб, во главе с видными генералами, держащими все нити командного состава. Другой центр — империалистическая финансовая клика, связанная с Англией и Францией и держащая все нити кредита. Не случайно, что Ефремов — член междупарламентской

комиссии, держащей в своих руках кредит, — введён в правительство.

Перечисленные факты создали победу контрреволюции над революцией.

Каковы же перспективы? Пока война идёт, — а она будет идти; пока промышленная разруха не разрешена, — а она не будет разрешена, ибо репрессиями против солдат и рабочих её не разрешишь, а героических мер правящие классы предпринять не могут; пока крестьяне не получают землю, — а они её не получают, потому что даже Чернов с своей умеренной программой оказался не подходящим членом правительства, — пока всё это есть, — неизбежны будут кризисы, массы не раз будут выходить на улицу, будут происходить решительные бои.

Мирный период развития революции кончился. Настал новый период, период острых конфликтов, стычек, столкновений. Жизнь будет бурлить, кризисы будут чередоваться. Солдаты и рабочие молчать не будут. Даже против закрытия «Окопной Правды» 20 полков заявили свой протест. Тем, что втолкнули в правительство новых министров, ещё не разрешили кризиса. Рабочий класс не обескровлен. Рабочий класс оказался благоразумнее, чем о нём думали противники: когда он понял, что Советы изменили, он не дал боя 4 и 5 июля. Аграрная же революция ещё только развивается.

Предстоящие битвы мы должны встретить достойно и организованно.

Основными нашими задачами должны быть:

1) призыв рабочих, солдат и крестьян к выдержке, стойкости и организованности;

2) возобновление, укрепление и расширение наших организаций;

3) не пренебрегать легальными возможностями, ибо никакая контрреволюция не может нас серьёзно загнать в подполье.

Полоса необузданных разгромов прошла, наступают полоса «закопных» преследований, и мы должны захватывать и использовать всякую легальную возможность.

В связи с тем, что большевики остались изолированными, так как большинство ЦИК Советов нам изменило, заключив союз с контрреволюцией, встаёт вопрос, как мы должны относиться к Советам и их большинству, меньшевикам и эсерам? На заседании Центрального исполнительного комитета Мартов бросил обвинения Гону и Дану, что они принесли решения, уже принятые на собрании черносотенцев и кадетов. Процесс преследования большевиков показал, что они остались без союзников. Весть об аресте наших вождей и закрытии наших газет была встречена среди меньшевиков и эсеров громом аплодисментов. Говорить после этого об единстве с меньшевиками и эсерами, значит протягивать руку контрреволюции.

Я говорю это потому, что кое-где на заводах пытаются наладить союз меньшевиков и эсеров с большевиками. Это замаскированная форма борьбы с революцией, потому что союзом с оборонцами можно погубить революцию. Есть среди меньшевиков и эсеров элементы, которые готовы бороться с контрреволюцией (у эсеров — камковцы⁴¹, у меньшевиков — мартовцы), и с ними мы готовы объединиться в едином революционном фронте.

3. ОТВЕТЫ НА ПОДАННЫЕ ЗАПИСКИ

16 июля

1) **Записка Масловского:** При будущих конфликтах, а возможно и вооружённых выступлениях, в какой мере будет содействовать наша партия этому и выступит ли она во главе вооружённого протеста?

Ответ Сталина: Надо предполагать, что выступления будут вооружённые, и надо быть готовыми ко всему. Будущие конфликты будут более острые, и партия умышлять рук не должна. Сали от имени латышского района обвинил партию, что она не взяла на себя руководство движением. Но это неверно, потому что партия как раз поставила себе целью перевести движение на мирные рельсы. Нас можно упрекать, что мы не стремились взять власть. Взять власть 3 и 4 июля мы могли, мы могли обязать Центральный исполнительный комитет Советов санкционировать нашу власть. Но вопрос в том, могли ли мы удержать власть? На нас поднялись бы фронт, провинция, ряд местных Советов. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без почвы. Взятием власти при таких условиях мы оскандалили бы.

2) **Записка Иванова:** Каково наше отношение к лозунгу «Власть Советам!»? Не пора ли сказать: «диктатура пролетариата»?

Ответ Сталина: Когда кризис власти разрешается, то это значит, что известный класс стал у власти, в данном случае буржуазия. Можем ли мы остаться при старом лозунге «Вся власть Советам!»? Само собой нет. Передавать власть Советам, которые на деле молчаливо идут рука об руку с буржуазией, значит работать

на врагов. Если мы победим, мы можем передать власть только рабочему классу, поддержанному беднейшими слоями деревни. Мы должны выдвинуть другую, нам более целесообразную форму организации Советов рабочих и крестьянских депутатов. Форма власти остаётся старой, но классовое содержание этого лозунга мы изменяем, мы говорим языком классовой борьбы: вся власть в руки рабочих и беднейших крестьян, которые поведут революционную политику.

3) *Записка от неизвестного:* Как нам нужно будет держаться, если ЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов заявит о подчинении меньшинства большинству? Уйдём ли мы тогда из ЦИК Советов, или нет?

Ответ Сталина: Соответствующее постановление уже имеется. У большевистской фракции было совещание, на котором выработан ответ в том духе, что мы, как члены ЦИК Советов, подчиняемся всем решениям Центрального исполнительного комитета и против них не выступаем, но, как члены партии, мы можем выступать самостоятельно, не сомневаясь, что существование Советов не отменяет самостоятельного существования партий. Завтра наш ответ будет объявлен на заседании Центрального исполнительного комитета.

4. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

16 июля

Товарищи!

Для составления резолюции по вопросу об отношении к постановлению Центрального исполнительного комитета Советов о большевиках была избрана комиссия, в которой был и я. Она выработала резолюцию, которая гласит: мы, как члены ЦИК Советов,

подчиняемся большинству, но как члены большевистской партии можем выступать самостоятельно и против постановлений ЦИК Советов.

Прохоров под диктатурой пролетариата понимает диктатуру нашей партии. Мы же говорим о диктатуре класса, ведущего за собой беднейшие слои крестьянства.

Неточность в речах ораторов: что мы переживаем, реакцию или контрреволюцию. Во время революций реакций не бывает. Когда у власти смещаются классы, это не реакция, а революция или контрреволюция.

Что касается четвёртого фактора, вызвавшего кризис власти, о котором упоминал Харитонов, фактора международного, то только война и связанные с войной вопросы внешней политики имели отношение к кризису нашей власти. В своём докладе я отводил войне, как фактору, вызвавшему кризис власти, главное значение.

Что касается мелкой буржуазии, то она не представляет уже собой нечто целое, в ней идёт быстрое расслоение (Совет крестьянских депутатов Петроградского гарнизона, идущий вразрез с Исполнительным комитетом крестьянского съезда). В деревне происходит борьба, и параллельно с существующими Советами крестьянских депутатов создаются новые, самочинные. На поддержку этих, поднимающихся кверху беднейших слоёв крестьянства, мы и рассчитываем. По своему экономическому положению только они могут идти с нами. Те слои крестьян, которые посадили в Исполнительный комитет крестьянского съезда таких жаждущих крови пролетариата людей, как Лавкентьев, за нами не пойдут и к нам не колебнутся. Я наблюдал, как

эти люди аплодировали, когда Церетели объявил приказ об аресте тов. Ленина.

Товарищи, говорящие о том, что диктатура пролетариата невозможна потому, что пролетариат составляет меньшинство населения, понимают силу большинства механически. Ведь и Советы представляют собой только 20 миллионов организованных ими людей, но благодаря своей организованности ведут за собой всё население. За организованной силой, могущей порвать пути экономической разрухи, пойдёт всё население.

Тов. Володарский толкует резолюцию, принятую конференцией, иначе, чем я, но какова его точка зрения, трудно понять.

Товарищи спрашивают, можем ли мы изменить наш лозунг? Наш лозунг о власти Советов был рассчитан на мирный период развития революции, который мы изжили. Не надо забывать того факта, что теперь одним из условий перехода власти является победа над контрреволюцией путём восстания. Когда мы выдвигали наш лозунг о Советах, власть фактически была в руках Советов. Путём давления на Советы мы могли влиять на изменения в составе правительства. Теперь власть в руках Временного правительства. Рассчитывать на мирный переход власти в руки рабочего класса путём давления на Советы мы не можем. Как марксисты, мы должны сказать: дело не в учреждениях, а в том, политику какого класса проводит это учреждение. Мы, безусловно, за те Советы, где наше большинство. И такие Советы мы постараемся создать. Передавать же власть Советам, заключающим союз с контрреволюцией, мы не можем.

Обобщая всё вышеуказанное, можно сказать: мирный путь развития движения кончился, так как движение вступило на путь социалистической революции. Мелкая буржуазия, кроме беднейших слоёв крестьянства, поддерживает сейчас контрреволюцию. Поэтому лозунг: «Вся власть Советам!» для данного момента устарел.

*Впервые напечатано в 1923 г.
в журнале «Красная Летопись» № 7*